

ВИДЫ СОВРЕМЕННОЙ СВЯТОСТИ

Посвященный явлению святости в XX веке майский семинар Римского университета «Tor Vergata» (1996 г.) отталкивался от положений книги Кеннета Л. Вудварда (Woodward) «Making Saints» («Производство святых»), выпущенной в Соединенных Штатах в 1990 г. и вскоре переведенной на итальянский язык и изданной Ризцполи (Rizzoli) под названием «Фабрика святых» («La fabbrica dei santi»).¹ На основе тщательного журналистского расследования и скрупулезной проверки исторических сведений ее автор проливает свет на некоторые сопутствовавшие канонизациям закулисные события, пытаясь взглянуть изнутри на функционирование и доводы Конгрегации по делам святых и документально доказать решающую роль особых «групп давления» в руководстве процессом. Произведение католика, эта книга не скрывала своего воинственного и обличительного характера по отношению к событиям, в которых, как в рассмотрении быстрого дела Хосемарии Ескривá де Балагер (Escrivà de Balaguer),² на взгляд автора, основой становилась церковная политика, да и просто политика. При этом книга выявляла наличие растущей «потребности в святости», которую поддерживали и питали канонизации при понтификате Иоанна Павла II.³

Таково было смысловое наполнение введения Франческо Скорца Барчеллона к материалам упомянутого семинара, собранным в 1998 г. в томе «Santi nel Novecento» («Святые XX века»). Очерчивая границы социальной и медийной роли института католической святости в XX в., он писал: «Конечно, это уже не та эпоха, когда причисление к лику блаженных, и более того, — к лику святых, по крайней мере в Риме, вызывало заголовки на первых полосах местной прессы. Но даже если подобным новостям посвящаются простые колонки или несколько строк на второстепенных страницах ежедневных газет, все же существовали различные группы людей, которые разбирались в святых и продолжали устанавливать с ними отношения зависимости и поклонения, не слишком отличавшиеся от сходных явлений более или менее отдаленного прошлого».⁴

¹ Woodward K. L. Making Saints: How the Catholic Church Determines Who Becomes a Saint, Who doesn't, and Why. New York, 1990 (итал. перевод: La fabbrica dei santi: La politica della canonizzazioni della chiesa cattolica. Milano, 1991).

² См.: Ibid. P. 411—415.

³ Общий очерк политики канонизаций при понтификате Иоанна Павла II см.: Zuccarello U. Le canonizzazioni e beatificazioni di Giovanni Paolo II: quale politica papale alla santità? // Società e storia. 2005. Vol. 109. P. 541—568.

⁴ Scorza Barcellona F. Introduzione // Santi del Novecento: Storia, agiografia, canonizzazioni. Torino, 1998. P. 7—8. (Sacro / Santo; Vol. 12).

Редактор стремился ответить тем самым на один базовый вопрос: можно ли для исторического изучения современности пользоваться методологией и опытом одного из направлений исследовательской деятельности? В Италии оно имеет уже трехвековую историю и за предшествующие столетия постепенно выработало критерии анализа целого массива документов, поспешно признанных повторяющимися и потому непродуктивными, то есть агиографических и в широком смысле обрядовых. При последовательном изучении феномена святости оно также определило возможность бросить новый взгляд на общество и вызвать к жизни в противном случае остававшиеся под спудом требования исторического поиска или хотя бы внимания со стороны общественных наук или антропологии. Как отметил Скорца Барчеллона, институт святости, в тех размерах, каких он достиг при папе Войтыле, не мог быть «только политикой верхушки»,⁵ эту практику более нельзя было мыслить как временное явление, осужденное на резкий спад в силу неуклонной секуляризации. Необходимо существовала социальная основа политики канонизаций, выражавшаяся в религиозной приверженности и в поклонении, которые играли некую роль, как в первую очередь оказывалось, во всевозможных формах коллективной обрядности, мирской или религиозной. «Жажда святости» как раз и назывался вводный очерк Роберто Рускони к монографическому номеру журнала «Cristianesimo nella storia» («Христианство в истории»), озаглавленному «Святые в современной церкви Италии». Номер был издан почти одновременно со сборником «Santi del Novecento» («Святые XX века») и был плодом того же самого культурного начинания. Автор выявлял важность, сохраняемую житийной литературой в католической печати 1990-х гг. — от детских книжек с картинками и народных изданий вплоть до трудов, где наряду с задачей распространения культа наблюдалась некая историко-биографическая углубленность.⁶ Значит, у святых была своя публика?⁷ Ответ был положительный, но не чуждый осторожности и неоднозначности: действительно, наблюдался растущий и весьма неоднородный спрос на формальное признание святости с расширением географической принадлежности и типологического разнообразия кандидатов, начиная с более широкого представительства мирян, количественного и качественного (качественного в смысле важности для пастырской деятельности и для динамики явлений культа). Впрочем, как показали статистические исследования Франческо Де Пальма,⁸ официальное признание церкви продолжает идти, в сущности, проторенными путями, отдавая явное предпочтение святым-основателям, которые всегда могут рассчитывать на более крупные и более постоянные вложения человеческих и экономических ресурсов со стороны собственных религиозных орденов. Но Рускони также показал, что, в противовес умножению числа кандидатов в святые и беспримерному количеству канонизаций, во время пон-

⁵ Scorza Barcellona F. Un'agiografia // Santi del Novecento. P. 10.

⁶ Rusconi R. Fame di santità // I Santi della Chiesa nell'Italia contemporanea. Bologna, 1997. P. 503. (Cristianesimo nella storia; Vol. 18/3).

⁷ Об этом см.: Il pubblico dei santi. Forme e livelli di ricezione dei messaggi agiografici: Atti del III Convegno di studio dell'Associazione italiana per lo studio della santità, dei culti e dell'agiografia (Verona, 22—24 ottobre 1998). Roma, 2000.

⁸ De Palma F. 1) Le cause di beatificazione in Italia: Un approccio storico-statistico // Santi della Chiesa... P. 525—555; 2) La santità postconciliare. Considerazioni statistiche, tipologiche e sociologiche per una storia delle canonizzazioni // Santi del Novecento... P. 49—82.

тификата Кароля Войтылы отмечался растущий разрыв между предложением новых святых и их действительным признанием.⁹

В своеобразном постскриптуме к своему вводному очерку Рускони успел еще до отправки его в печать описать два события, имевшие большое влияние на общественное мнение. Это была почти одновременная кончина в сентябре 1997 г. леди Дианы Спенсер и матери Терезы Калькуттской, вызвавшая широчайший отклик средств массовой информации, который привел к взаимному влиянию и сакрализации этих двух образов. Результатом стало широкое и до сих пор не ослабевшее поклонение принцессе Уэльской и настойчивые требования снизу ускорить дело о причислении к лику блаженных албанской сестры в обход юридических преград.¹⁰ Тогда можно было только отметить это событие и постараться угадать его последствия. Действительно, это было лишь начало процесса, разворачивающегося у нас на глазах: от причисления к лику блаженных отца Пия и Иоанна XXIII вплоть до единодушного требования — с помощью выразительных лозунгов на растяжках — статуса святого для папы Иоанна Павла II на следующий день после его смерти 2 апреля 2005 г. Святость снова стала массовым явлением и впервые на мировом уровне завоевала первые страницы газет. Чтобы отыскать ближайшее по времени сходное событие, нужно с учетом всех поправок на масштаб вспомнить собрания, сопровождавшие канонизацию святой Риты Кашианской 4 мая юбилейного 1900 г.¹¹

Третий номер журнала Итальянского общества по изучению святости, культов и агиографии (AISSCA) «*Sanctorum*» воспроизводит на титульном листе удачное выражение «*Santo Subito*» («В святые немедленно»), возникшее на следующий день после смерти папы Войтылы, а подзаголовком дает: «*Giovanni Paolo II e la fama di santità*» («Иоанн Павел II и слава святости»). Этот заголовок представляется полифонической оценкой самого последнего из этих событий, не столько для того, чтобы сформулировать поспешное историческое суждение о его понтификате, сколько затем, чтобы набросать первые мысли о прославлении образа Иоанна Павла II.¹² Это двойственное явление, с одной стороны, вписывается в традицию культа понтифика, родившуюся вскоре после Французской революции в духе отрицания современности и усилившуюся при понтификатах Пия IX и Льва XIII,¹³ а с другой — полностью включается в современность с ее пантеоном разнообразных медиа-легенд, или медиа-див второй половины XX в., согласно тому же самому процессу, который сделал возможным и совершенно естественным сближение матери Терезы и принцессы Дианы.

Вот так неожиданно и в таком небрежении традиционной церковной осторожностью вспыхнула эта «слава святости», искомой, но лишь частично обретаемой в действиях Конгрегации по делам святых, в церковных организациях,

⁹ См.: *Rusconi R.* Fame di santità. P. 522.

¹⁰ См.: *Ibid.* P. 522—523.

¹¹ См.: *Scaraffia L.* La santa degli impossibili: Vicende e significati della devozione e Santa Rita. Torino, 1990. P. 57. (Sacro / Santo; Vol. 3).

¹² «*Santo subito*»: *Giovanni Paolo II e la fama di santità // Sanctorum.* 2006. Vol. 3. P. 5—82.

¹³ См.: *Rusconi R.* Devozione per il pontefice e culto per il papato al tempo di Pio IX e di Leone XIII nelle pagine de «*La Civiltà Cattolica*» // *Rivista di storia del cristianesimo.* 2005. Vol. 2. P. 9—37; *Zambarbieri A.* La devozione al papa // *Storia della Chiesa: La Chiesa e la società industriale (1878—1922).* Cinisello Balsamo, 1992. Parte seconda. P. 9—81; *Horaist B.* La dévotion au Pape et les catholique français sous le pontificat de Pie IX (1846—1878). Rome, 1995. (Collection de l'École Française de Rome; Vol. 212).

под разными предлогами продвигавших собственных кандидатов, в «доброй печати», отбирившей житийную литературу для христиан разного возраста и общественного положения. В то же время на авансцене многовековой истории святости появилась новая «публика святых», чьи очертания и происхождение необходимо еще определить, но которая, конечно, не могла родиться вдруг из ничего.

Это сложный феномен, не поддающийся скороспелым обобщениям, как показало на примере ограниченного поля почитания святилищ недавнее социологическое исследование Кармелины Кьяры Канты (*Carmelina Chiara Canta*) о римском святилище Божественной Любви,¹⁴ обрисовавшее разнородную типологию и мотивацию участников ночного паломничества. Однако это явление во многом питается и было воспитано средствами массовой коммуникации, как показали исследования Питера Яна Маргри (*Peter Jan Margry*) о «феномене отца Пия»,¹⁵ а корни его уходят в не лишённые противоречий отношения между церковью и обществом имиджа, которое традиционно воспринимается церковными учреждениями как результат процесса секуляризации, но вместе с тем как поле для церковной пропаганды, развертываемой все время и с максимальной полнотой.

Это явление не ново: оно нашло свое наиболее законченное выражение в барочной культуре Контрреформации, а в современности, со значительным преобразованием при понтификатах Пия IX и Льва XIII, получило наиболее подробную разработку церковным руководством в 1950-е гг.¹⁶ В восхвалении телеграфа как инструмента, с помощью которого весть о догмате непорочного зачатия, распространенная 8 мая 1854 г., смогла, согласно пропаганде того времени, быстро достигнуть самых крайних частей земного шара, можно действительно видеть символический исток способности церковного просвещения пользоваться новыми методами коммуникации. Она выразилась, прежде всего, в культурной работе, развернутой в эти годы новообразованным журналом ордена иезуитов «*La Civiltà Cattolica*» («Католическая культура»). В первых его номерах помещались романы Антонио Брешиани и его эпигонов — сочетание исторического романа в стиле Гверрацци и житийной литературы. Они дадут новую жизнь застоявшемуся жанру, рисковавшему уступить место культу героев в духе Рисорджименто, совсем уж было присвоившему им родство с позднеантичными мучениками и записавшему в ряды своих сторонников таких традиционных святых, как Екатерина Сиенская.¹⁷ Другими словами, это было

¹⁴ *Canta C. C.* Sfondare la notte: Religiosità, modernità e cultura nel pellegrinaggio notturno alla Madonna del Divino Amore. Milano, 2004.

¹⁵ *Margry P. J.* 1) *Merchandising and Sanctity: the invasive cult of Padre Pio* // *Journal of Modern Italian Studies*. 2002. Vol. 7. P. 88—115; 2) *Un beatus ovvero il culto bulldozer di Padre Pio: Un'indagine etno-antropologica* // *La critica sociologica*. 2002. Vol. 141. P. 72—76; 3) *Il «marketing» di Padre Pio: Strategie carpuccine e Vaticane e la coscienza religiosa collettiva* // *Sanctorum*. 2008. Vol. 5. P. 141—168. Некоторые соображения см. также в прекрасной книге: *Luzzatto S.* Padre Pio. Miracoli e politica nell'Italia del Novecento. Torino, 2007. В частности, с. 327—340 и 359—364.

¹⁶ О «медийном» понтификате папы Пачелли см. особенно: *Riccardi A.* Governo e «profezia» nel pontificato di Pio XII // *Pio XII*. Roma; Bari, 1984. P. 56—57.

¹⁷ На эти темы см.: *Calìo T.* Corpi santi e santuari nella Roma della Restaurazione // *Monaci, ebrei, santi*. Studi per Sofia Boesch Gajano: Atti delle Giornate di studio (Roma, 17—19 febbraio 2005). Roma, 2007. P. 305—373. См. также: *Banti A. M.* La nazione del Risorgimento: Parentela, santità e onore alle origini dell'Italia unita. Torino, 2000, В частности, с. 170—182. И о культе Екатерины Сиенской в XIX в.:

овладение оружием «вражеской» пропаганды, исторического романа в случае Брешиани, приключенческого романа в духе Салгари — в случае его «внучат» эпохи после Объединения,¹⁸ и успешно осуществленная попытка поставить их на службу образовательному замыслу церкви. Императив такого рода определит жизненный путь многих представителей социально-пастырской деятельности, которые объединят педагогические усилия в пользу юношества с прозорливой политикой средств массовой информации. Для них способность распоряжаться новыми средствами массовой коммуникации становится существенной составляющей в новом и удачном предложении святости общественному сознанию. В Италии явно выделяются имена святого Иоанна (Джованни) Боско¹⁹ и, позже, блаженного Якова (Джакомо) Альберione,²⁰ чье издательство откроет житийной литературе двери кинематографа, детского журнала (с возникновением «Giornalino» («Журналчика», 1924))²¹ и иллюстрированного еженедельника «Familia Cristiana» («Христианская семья», 1931).²²

Период после Второй мировой войны отмечен еще одним переходным моментом: вплоть до 1930-х гг. церкви удавалось сохранять монополию на распространение житийной литературы, хотя и одалживая фашистской пропаганде и ритуалам свои самые драгоценные имена. Это были сначала Франциск Ассизский, чье семисотлетие со дня смерти 4 октября 1926 г., похоже, послужило поводом к началу переговоров по Латеранским соглашениям,²³ а затем Екатерина Сиенская, представленная как пример гражданского мужества и любви к родине. 18 июня 1939 г. Пий XII провозгласил обоих покровителями Италии. Но с конца 1940-х гг., с утверждением иллюстрированного семейного еженедельника, так называемого «gotocalco», производимого методом ротационной глубокой печати, представители церковной иерархии, опиравшиеся на массовые движения, впервые попробовали установить неведомый ранее альянс с издательским рынком.²⁴ Житийная литература в наиболее чувственно привлекательных формах (рассказы о чудесах, видениях Девы Марии, возникновении новых мест поклонения) сделалась основой этого альянса. Это был рискованный шаг, поскольку впервые в чужие руки передавалось управление агиографической пропагандой, наследство, которое по необходимости должно было

Scattigno A. Per il papa, per la Chiesa cattolica, per le donne italiane // Contro la secolarizzazione... P. 69—93.

¹⁸ См.: *Faeti A.* Letteratura per l'infanzia. Firenze, 1977. P. 188; *Boero P., De Luca C.* La letteratura per l'infanzia. Roma; Bari, 1995. P. 85—87. Об Уго Миони, самом знаменитом представителе этой группы католических писателей, см.: *Pozzo F.* Ugo Mioni tra Verne e Salgari // LG Argomenti, a. XIX. 1983. Vol. 1. P. 30—34; *Zovatto P.* Ugo Mioni scrittore popolare. Trieste, 1988.

¹⁹ См.: *Stella P.* 1) Don Bosco. Bologna, 2001; 2) Santi per giovani e santi giovani // Santi, culti, simboli nell'età della secolarizzazione (1815—1915). Torino, 1998. P. 563—586. (Sacro / Santo; Vol. 11).

²⁰ См.: *Rolfo L.* Don Alberione: Appunti per una biografia. Cinisello Balsamo, 1998.

²¹ См.: *Gorla S.* Tra nuvole e aureole: il fumetto agiografico // Le devozioni nella società di massa. P. 89—114.

²² См.: *Marazziti M.* 1) Cultura di massa e valori cattolici: il modello di «Famiglia cristiana» // Pio XII. P. 307—333; 2) I papi di carta: Nascita e svolta dell'informazione religiosa da Pio XII a Giovanni XXIII. Genova, 1990.

²³ См.: *Irace E.* Itale glorie. Bologna, 2003. (L'identità italiana; Vol. 34); *Michetti R.* La «Vita beati Francis» di Tommaso da Celano: storia di un'agiografia medievale // Franciscana. 1999. Vol. 1. P. 123—226.

²⁴ Особенно об отце Риккардо Ломбарди и Вирджилио Потонди см.: *Zizola G.* Il microfono di Dio: Pio XII, padre Lombardi e i cattolici italiani. Milano, 1990; *Sani R.* Roma cattolica: un'idea per un rinnovamento su scala mondiale. La mobilitazione di padre Lombardi // Humanitas. 1985. Vol. 40. P. 59—87.

уживаться с другой «житийной литературой», связанной с царствующими семьями, кино- и спортивными дивами²⁵ или с другими измерениями чудесного в деятельности всякого рода предсказателей, знахарей и целителей.²⁶ Эти шаги, с одной стороны, позволяли привлечь новые группы публики, потенциальных верующих, с другой — отнимали у церкви монополию на сверхъестественное, оставляя читателю свободу строить агиографический пантеон на собственный выбор и вкус.

Эта действительность еще совершенно не исследована, она становится еще сложнее с приходом телевидения, а затем и с появлением сети Интернет. Первая попытка разобраться в ней представлена недавним семинаром «Верования общества масс» («*Le devozioni nella società di massa*»), материалы которого в скором времени будут опубликованы в журнале «Sanctorum»,²⁷ где докладчики, специалисты по различным медиа, провели анализ феномена святости в старых и новых основных средствах массовой коммуникации. Интерес этого семинара, на мой взгляд, заключается не только в том, что он описал, как к традиционной житийной литературе постепенно подключались средства пропаганды, соединяющие с большей убедительностью способность обращаться к дифференцированной и культурно стратифицированной публике, — но также и в том, что он отметил появление новых «импресарио» культа святых, которые присоединяются и в некоторых случаях предлагают себя в качестве заместителей католической иерархии.

Например, Стефано Горла в своем очерке «Tra nuvole e aureole: il fumetto agiografico» («Облачка и нимбы: агиографический комикс») задается вопросом, что происходит, если такой святой, как Франциск Ассизский, становится главным героем комиксов Марвела, то есть комиксов для взрослых? Конечно, он становится более популярным у многочисленных читателей, не только североамериканских (учитывая многонациональный характер исследуемого предприятия) и, как можно предположить, во многом чуждых житийной тематики. Однако в то же время он претерпевает трансформацию, усваивая некоторые черты (сверхъестественная мощь, борьба добра со злом, преувеличенные спецэффекты), типичные для героев некоторых заокеанских комиксов.²⁸ Возвращаясь к итальянскому материалу, сходные наблюдения можно сделать на примере телевидения, ставшего предметом анализа Франчески Анания. Начиная с 1990-х гг. и с особым напором в первые годы нового столетия на итальянское телевидение вторгается все больше фантастики агиографического плана, пользующейся особым вниманием телезрителей: в этом смысле весьма показателен случай двух передач об отце Пие на волнах RAI и Mediaset с интервалом всего в полгода.²⁹

²⁵ См.: *Pivato S.* Sia lodato Bartali: Ideologia, cultura e miti dello sport cattolico (1936—1948). Roma, 1995.

²⁶ Первое исследование см.: *Calìo T.* Santuari, reti sociali e sacralizzazione a Roma nella crisi del dopoguerra // *Mélanges de l'École Française de Rome: Italie et Méditerranée*. 2005. Т. 117. № 2. P. 635—660.

²⁷ *Le devozioni nella società di massa*.

²⁸ *Gorla S.* Tra nuvole e aureole: il fumetto agiografico.

²⁹ *Anania F.* I nuovi impresari del culto dei santi: radio e televisione // *Le devozioni nella società di massa*. P. 115—130.

Но в последние годы особенно Web, средство, принципиально лишенное руководства, служит раздуванию и делегализации культа святых, с явным преобладанием поклонения Деве Марии. Это показал Паоло Аполито в своем томе, посвященном религиозному духовидчеству в сети³⁰ и новым сообществам верующих, которые очевидно избегают любого контроля со стороны церковной иерархии, все же старающейся просочиться и в сеть.

Помимо аспектов, более тесно связанных с распространением культа, интерес медиа к феномену святости вызвал вообще усиленное внимание информационных организаций, особенно итальянских, к практике причисления к лику блаженных и к ее политико-пастырской составляющей. Не было недостатка и в пылких спорах, разгоревшихся особенно вокруг значения некоторых новых кандидатов в святые для межконфессионального и межкультурного диалога в прошлом и в настоящем. Особенно знаменательна была полемика по поводу отпразднованного 3 сентября 2000 г. одновременного причисления к лику блаженных Пия IX и Иоанна XXIII, затронувшая отношения церкви и еврейского мира и сосредоточившаяся особенно на деле Мортары, а следовательно, на одном из самых драматических аспектов католического антисемитизма, а именно на случаях насильственного крещения.³¹ В глазах многих наблюдателей эти споры отметили явный шаг назад по сравнению с поворотом церковной политики после Второго Ватиканского собора, включавшим, помимо прочего, отмену «анти-еврейского культа» Симонина Трентинского.³² Впрочем, сближение с папой Ронкалли не послужило смягчению критики, как, возможно, предполагали инициаторы, а только усугубило страхи тех, кто видел в одновременном причислении к лику блаженных двух понтификов возвращение к «апологетической последовательности», рисковавшей затемнить новаторский характер отношений католической церкви с современностью, отметивший Второй Ватиканский собор.³³

Один из самых занимательных пунктов спора вокруг папы Мастаи-Ферретти заключается в особенностях новейшей апологетической литературы о Пие IX, предстающей зеркалом более широкого процесса исторического ревизионизма с католическим уклоном. Этот процесс находит в образцах историко-агиографического памфлета наиболее пригодную коммуникативную форму, целью которой является возобновление идеологической схемы XIX в., рисующей церковь находящейся под угрозой современности.³⁴ Речь идет о более широком явлении, отмечающем большую часть житийной литературы, представленной в нынешних книжных магазинах, однако сводимой к сравнительно ограниченному

³⁰ *Apolito P.* 1) *Internet e la Madonna. Sul visionarismo religioso in Rete.* Milano, 2002; 2) *La devozione per i santi in Internet // Le devozioni nella società di massa.* P. 131–140.

³¹ *Caffiero M.* *Battesimi forzati: Storie di ebrei, cristiani e convertiti nella Roma dei papi.* Roma, 2005. О деле Мортары см.: *Kertzer D.* *Prigioniero del Papa Re. Storia di Edgardo Mortara, ebreo, rapito all'età di sei anni da Santa Romana Chiesa nella Bologna del 1858.* Milano, 1996.

³² См.: *Calì T.* *La leggenda dell'ebreo assassino: Percorsi di un racconto antiebraico.* Roma, 2007. P. 198–202.

³³ См., например: *Camaiani P. G.* *Pio IX e Giovanni XXIII: I limiti del continuismo // Il Regno. Attualità.* 2000. Anno XLV. N 865. 15 settembre. P. 529.

³⁴ На эти темы см.: *Calì T.* *Promozione agiografica e confronto interculturale dal Concilio Vaticano II ad oggi // La santità: Ricerca contemporanea e testimonianze del passato: Atti del Convegno di Studi: Prato, Biblioteca Roncioniana, 24 novembre 2007.* Firenze, 2011.

числу плодовитых писателей-агиографов. К сходным наблюдениям ведет разбор новых житийных произведений о Марке Авианском, причисленном к лику святых 27 апреля 2003 г. Этот проповедник-капуцин прославился своими проповедями к христианскому войску с призывом скорее выступить против турок, осадивших Вену в 1683 г. Римская церковь предложила его в качестве символа христианских корней Европы, которые тогда хотели упомянуть в Европейской конституции. В разработке связанных с традиционно-католическими кругами агиографов³⁵ он стал современным паладином крестового похода против исламского мира. И произошло это не без опоры на политические и культурные группы, выступающие против иммиграции и, особенно, против иммиграции из арабских стран.³⁶ В руках представителей нового католического унитаризма агиография становится инструментом теологического и провиденциалистского переписывания истории, включаемого в идеологическую парадигму столкновения христианской культуры и врагов, что каждый раз мешают ей утвердиться вполне, а среди них в ближайшее время все более значительную роль начинает играть ислам.

С другой стороны, можно бросить взгляд на таких святых, которые призывают к диалогу и доброжелательному восприятию ислама. Первый пример — Даниеле Комбони, чье причисление к лику блаженных, состоявшееся в соборе Святого Петра 5 октября 2003 г., сопровождалось жесткими выступлениями отцов-комбонианцев против иммиграционной политики итальянского правительства. Второй — Шарль де Фуко, святой, долгие годы проживший в пустыне Сахара и представляющийся связующим звеном между христианами и мусульманами. Из этих примеров можно вывести общие соображения о том, какие функции начали выполнять жизнеописания святых в последние годы: агиографическое письмо теперь можно характеризовать как наиболее подходящий способ наглядного представления встречи различных экклесиологических точек зрения, бытующих в церкви. Агиография становится для историка ценным документом с множеством форм и подразделений, способствующих изучению современной церкви.

³⁵ См. о них: *Buonasorte N.* Tra Roma e Lefebvre. Il tradizionalismo cattolico italiano e il Concilio Vaticano II. Roma, 2003.

³⁶ См.: *Caliò T.* Un santo ai confini dell'Europa: Marco d'Aviano e la questione islamica // *Società e storia.* 2007. Vol. 115. P. 71—84.